

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 96

Апрель 2007

Эванс против Соединённого Королевства [Большая Палата] [Evans v. the United Kingdom [GC] (жалоба № 6339/05)

Постановление от 10.4.2007 [Большая Палата]

Статья 8

Пункт 1 статьи 8

Уважение частной жизни

Требование согласия отца для дальнейшего хранения и имплантации оплодотворенной яйцеклетки: *нарушение не установлено*

Обстоятельство дела: В июле 2000 г. заявительница и ее партнер по имени Дж. начали лечение бесплодия. В октябре 2000 г. при посещении клиники заявительнице был поставлен диагноз предракового состояния яичников, ей было предложено пройти один цикл экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) до хирургического удаления яичников. В ходе консультации ей и Дж. было сообщено, что каждый из них должен подписать документ о согласии на лечение, и что в соответствии с положениями Закона об оплодотворении человека и эмбриологии 1990 г. («Закон 1990 г.»), каждый из них мог бы впоследствии отозвать свое согласие в любое время до имплантации эмбрионов в матку заявительницы. Заявительница обдумывала другие возможности по сохранению ее оставшихся яйцеклеток для того, чтобы иметь гарантии на случай прекращения отношений с Дж. Но Дж. ее уверил, что такое не случится. В ноябре 2001 г. пара посетила клинику для того, чтобы пройти процедуру, в результате которой было создано шесть эмбрионов, которые поместили на хранение. Две недели спустя заявительнице сделали операцию по удалению яичников. Она была проинформирована о том, что необходимо подождать два года до того, как можно будет имплантировать эмбрионы в ее матку. В мае 2002 г. отношения между заявительницей и Дж. закончились, и, как следствие, в соответствии Законом 1990 г., он уведомил клинику о том, что не согласен на использование или хранение эмбрионов. Заявительница обратилась в Высокий Суд, добиваясь среди прочего истребовать согласие Дж. В октябре

2003 г. ее ходатайство было отклонено, поскольку было установлено, что Дж. действовал добросовестно, когда приступил к лечению, полагая, что его отношения с заявительницей будут продолжаться. В октябре 2004 г. Апелляционный Суд оставил в силе решение Высокого Суда. В разрешении на подачу жалобы в вышестоящую инстанцию было отказано.

Заявительница жаловалась на то, что национальное право позволило ее бывшему партнеру отозвать свое согласие на хранение и использование эмбрионов, препятствуя тем самым ей в возможности иметь ребенка, связанного с ней генетически.

Право: Статья 2 – В постановлении от 7 марта 2006 Палата указала причины, по которым нельзя считать, что эмбрионы, созданные заявительницей и Дж., имели право на жизнь, в частности, поскольку вопрос, когда возникает право на жизнь, находится в пределах усмотрения государства (смотрите Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 84).

Вывод: нарушение не установлено (единогласно).

Статья 8 – *Характер прав:* «Частная жизнь» включает право и на уважение решения стать родителем, и на уважение не становиться таковым. Однако заявительница не жаловалась на то, что ей препятствовали стать матерью в социальном, правовом и даже физическом смысле, поскольку ни национальное право, ни практика не запрещали ей усыновить или даже родить ребенка, который был бы зачат в пробирке с помощью донорской спермы. Если точно сформулировать, то ее жалоба заключалась в том, что положения Закона 1990 г. о согласии не позволяли ей использовать эмбрионы, созданные ею и Дж., и тем самым, учитывая ее личные обстоятельства, не позволяли ей иметь ребенка, связанного с ней генетически. Этот более узкий вопрос, касающийся права на уважение решения стать генетическим родителем, подпадает под действие статьи 8. Главная дилемма дела заключалась в том, что возник конфликт прав двух частных лиц, предусмотренных статьей 8, а именно заявительницы и Дж. Более того, интерес каждой из сторон был абсолютно несовместим с интересом другой, т.к. если разрешить заявительнице использовать эмбрионы, то Дж. был бы вынужден стать отцом, с другой стороны поддержка отказа Дж. означала бы лишение заявительницы возможности стать генетической матерью. Учитывая сложные обстоятельства дела, какое бы решение ни приняли национальные власти, оно бы нарушило интересы одной из сторон. В то же время законодательство обеспечивало ряд общественных интересов, таких как соблюдение принципа согласия и содействие правовой ясности и определенности.

Позитивное обязательство или вмешательство: Данное дело было целесообразно рассмотреть в свете позитивных обязательств. Основной вопрос заключался в том, позволяли ли примененные положения закона найти справедливый баланс между конкурирующими общественными и частными интересами. В этом смысле выводы национальных судов о том, что Дж. никогда не соглашался на единоличное использование заявительницей совместно созданных эмбрионов, были приняты.

Свобода усмотрения: Бесспорно, вопросы, затронутые делом, имели деликатный нравственно-этический характер. Более того, в данной области не имелось какого-либо единого европейского подхода. Некоторые государства приняли законы или иные нормативные акты с целью осуществления контроля в отношении применения ЭКО, в то время как в

других странах этот вопрос остался в сфере регулирования медицинской практики или общих руководящих принципов. Хотя Соединенное Королевство было неединственным государством, разрешающим хранение эмбрионов и наделяющим обоим доноров половых клеток полным правом отозвать свое согласие до момента имплантации, в других странах Европы применялись иные правила и практика. Тем не менее, невозможно утверждать, что имелся какой-либо консенсус в определении этапа в процедуре ЭКО, после которого согласие донора половых клеток становилось безотзывным. Заявительница утверждала, что более значительные физические и эмоциональные страдания, которые она перенесла во время процедуры ЭКО, а также ее бесплодие в дальнейшем давали ее правам, предусмотренным статьей 8, приоритет над правами Дж. Однако, нельзя утверждать, что в этом вопросе имелся какой-либо консенсус. Таким образом, поскольку на фоне быстроразвивающихся медицинских и научных методик применение ЭКО вызвало серьезные моральные и этические вопросы, и поскольку обстоятельства данного дела затрагивали области, в которых государства-члены не имели единой позиции, то пределы усмотрения, предоставляемые государству-ответчику, должны быть достаточно широкими. Свобода усмотрения должна в принципе распространяться как на решение властей принимать или не принимать законодательство, регулирующее применение ЭКО, так и на детально сформулированные нормы, которые оно, решив вмешаться, устанавливает для того, чтобы достичь баланса при оценке конкурирующих общественных и частных интересов.

Соблюдение: Таким образом, надлежало установить, был ли соблюден баланс конкурирующих интересов, учитывая особые обстоятельства дела, при применении закона, в соответствии с которым Дж. отозвал свое согласие на имплантацию совместно созданных эмбрионов в матку заявительницы. Факт того, что сохранение замороженных человеческих эмбрионов стало технически возможным, обуславливает существенную разницу между ЭКО и оплодотворением, имеющим место в результате полового акта, а также обуславливает временной промежуток, иногда значительный, между созданием эмбриона и его имплантацией в матку, в течение которого возможно вмешаться в процесс. В связи с этим, деятельность государства по принятию нормативной базы, которая бы учитывала этот временной промежуток, являлась законной и закономерной. Решение о том, какие принципы и методы должны применяться в этой тонкой сфере, находятся в компетенции каждого отдельного государства. Закон 1990 г. являлся итогом исключительно детального анализа социальных, этических и правовых последствий, имевших место в результате достижений в области оплодотворения и эмбриологии человека, а также итогом тщательного обдумывания, консультаций и дебатов. Этот документ возлагал юридическую обязанность на каждую клинику, осуществляющую процедуру ЭКО, разъяснять положения, касающиеся дачи согласия, лицу, приступающему к данной процедуре, и получить это согласие в письменной форме. Это имело место и в данном деле. Заявительница и Дж. подписали предусмотренные законом документы о даче согласия. Однако Законом также было установлено, что доноры половых клеток могут отозвать свое согласие в любой момент до имплантации эмбриона в матку. Тяжелое состояние здоровья заявительницы требовало быстрого принятия решения в обстановке чрезвычайного стресса, но давая свое согласие на оплодотворение своих яйцеклеток сперматозоидами Дж., она знала, что это ее последние яйцеклетки, и что эмбрионы могут быть имплантированы только спустя какое-то время по окончании лечения рака, и что в соответствии с законом Дж. имел право отозвать свое согласие на имплантацию в любое время. Заявительница критиковала национальные правила, регулирующие дачу согласия, за то, что они подлежали применению в любом случае, невзирая ни

на какие обстоятельства, однако такая абсолютная природа закона не являлась несовместимой с требованиями статьи 8. Именно уважением к человеческому достоинству и свободе волеизъявления, а также стремлением обеспечить справедливый баланс интересов сторонами в процедуре ЭКО, было продиктовано решение законодателя принять положения, которые бы не предусматривали никаких исключений. Это было сделано для того, чтобы каждый донор половых клеток знал, что использование его генетического материала без его согласия невозможно. Кроме этого главного принципа, безусловная природа закона способствовала обеспечению правовой определенности и исключению проблемы произвольности и непоследовательности, присущей процессу взвешивания в каждом отдельном случае того, что было описано национальными судами как «абсолютно несоизмеримые» интересы.

Данные общие мотивы являлись правомерными и соответствующими требованиям статьи 8. В свете этих соображений, учитывая отсутствие какого-либо европейского консенсуса по рассматриваемому вопросу, Суд не нашел, что праву заявительницы на уважение ее решения стать генетической матерью должен быть придан больший вес, чем праву Дж. на уважение его решения не иметь с ней генетически общего ребенка.

Вывод: нарушение не установлено (тринадцать голосов против четырех).

Статья 14 – Пðå ðàññìàòðèâàåìîå íàðóøåíèå ïðîèçâîëüíîñòè è íåïîñëåäîâàòåëüíîñòè, ïðèñóùåé ïðîöåññó âçâåøèâàíèÿ â êàæäîì îòäåëüíîì ñëó÷àå òîãî, ÷òî áûëî îïèñàíî íàöèîíàëüíûìè ñóäàìè êàê «àáñîëþòíî íåñîèçìåðèìûå» èíòåðåñû.

Вывод: нарушение не установлено (тринадцать голосов против четырех).

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.